
ЛИТЕРАТУРА XX–XXI вв.

Зарубежная литература

УДК:821.111:39(470)+821.411.94(470)

КРАСАВЧЕНКО Т.Н.¹ БРИТАНСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ОУЭН МЭТЪЮЗ И РОССИЯ.

DOI: 10.31249/lit/2022.03.11

Аннотация. В центре статьи – первая книга О. Мэтьюза «Дети Сталина. Три поколения любви и войны» (2008), особенно важная для понимания мировосприятия и последующего творчества писателя. Будучи наполовину валлийцем, наполовину русским, он представил в ней историю своей семьи и создал амбивалентный образ советской и постсоветской России (с 1930-х по 1990-е годы).

Ключевые слова: современная литература Великобритании; имагология; образ советской России; образ постсоветской России.

Для цитирования: Красавченко Т.Н. Британский писатель Оуэн Мэтьюз и Россия // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2022. – № 3. – С. 169–184. DOI: 10.31249/lit/2022.03.11

KRASAVCHENKO T.N. British writer Owen Matthews and his Russia.

Abstract. The subject of the article is the first book by O. Matthews *Stalin's Children. Three Generations of Love and War* (2008), which is very important for understanding of the worldview of the writer. Being half-Welsh, half-Russian, he presented the history of his family in the book and his ambivalent, but mostly negative version of Soviet

¹ Красавченко Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН.

and post-Soviet Russia (from 1930s up to 1990s). The book was a success in Great Britain and abroad – it was translated into 28 languages.

Keywords: contemporary British literature; imagology; image of Soviet Russia; image of post-Soviet Russia.

To cite this article: Krasavchenko, Tatiana N. “British writer Owen Matthews and his Russia”, Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 3, 2022, pp. 169–184. DOI: 10.31249/lit/2022.03.11

Специфика творчества британского писателя Оуэна Мэтьюза (р. 1971, Лондон) в том, что практически все его книги имеют документальную основу и связаны с историей России. Это объяснимо типом полученного им образования – он изучал современную историю в колледже Christ Church в Оксфордском университете; а также его опытом работы как журналиста: с 1994 г. во время Боснийской войны он был «независимым репортером» – писал репортажи для английских газет «Таймс», «Дейли Телеграф», «Индепендент» и др. – из Будапешта, Сараево, Белграда. С 1995 г., переехав в Москву, он работал в англоязычной газете *Moscow Times*, с 1997 г. стал корреспондентом Московского бюро американского журнала *Newsweek*, с 2001 г. – возглавлял его бюро в Стамбуле, а с 2006 по 2012 г. – в Москве; в настоящее время продолжает сотрудничать с этим журналом. «Основополагающий» факт его личной и творческой биографии: он – наполовину русский и владеет русским языком как его носитель. О. Мэтьюз – автор нескольких книг: «Славные злоключения: Николай Резанов и мечта о Русской Америке» (*Glorious misadventures: Nikolai Rezanov and the dream of Russian America*, 2013) – о русском дипломате, путешественнике, предпринимателе Н.П. Резанове (1764–1807), пытавшемся закрепить русское присутствие на Аляске; роман «Московский Вавилон» (*Moscou Babylone*, 2013, опубликован на французском, немецком и чешском) – о московском опыте жизни писателя в 1990-х годах; роман «Тень сабли» (*L’Ombre du Sabre*, 2016) – о репортерском опыте автора в Чечне в 1990-е годы и в Восточной Украине в 2014 г.; «Безупречный шпион: Рихард Зорге, главный агент Сталина» (*An Impeccable spy: Richard Sorge, Stalin’s master agent*, 2019) – биография Зорге, в которой использованы материалы из советских архивов; основанный на реальных собы-

тиях роман «Черное солнце» (*Black sun*, 2019) – о событиях в секретном советском городе Арзамас-16 в 1961 г., когда академик А.Д. Сахаров работал там над созданием водородной бомбы; роман «Красный предатель» (*Red traitor*, 2021) – о событиях времен Карибского кризиса. Последний роман О. Мэтьюза – «Белая лиса» (*White fox*, 2022), его действие происходит в Воркуте в 1961 г.

Постоянство темы России в творчестве О. Мэтьюза объяснимо и тем, что на протяжении всего XX в. Россия находилась на магистральной истории. Катастрофические общественные сдвиги – революция, построение так называемого социалистического общества, сопровождавшееся уничтожением российского крестьянства, массовые репрессии и пр. – все это произвело шоковое впечатление на О. Мэтьюза, тем более что непосредственно затронуло историю его семьи; темы и материал его книг для него самого (как и для его британских читателей) были настолько «взрывными», что даже не требовали «литературного приема» (что, видимо, соответствовало его дарованию и опыту работы).

Ключевой для понимания мировосприятия писателя, его этических и эстетических предпочтений является первая книга «Дети Сталина. Три поколения любви и войны» (2008), которую он называет «повествованием о России» – стране, «создавшей его семью и чуть ее не уничтожившей» [2, р. 5]. В книге три взаимосвязанных «сюжетных пласта»: история любви родителей писателя – Мервина Мэтьюза и Людмилы Бибиковой, которые встретились в Москве в 1964 г.; история его советского деда – Бориса Львовича Бибикова; его собственные впечатления от России в разные периоды, главным образом в 1990-е годы. Книга имела большой успех в Великобритании и за ее рубежами, была переведена на 28 языков, в том числе и на русский (2010). Рецензии о ней сразу же появились в ведущих британских и американских газетах *The Times* [3], *The New York Times* [4], *The Guardian* [1] и др. По мнению английского литературного критика Кристофера Харта, О. Мэтьюзу удалось на основе истории своих родителей, деда и своей собственной воссоздать историческую хронику жизни в СССР [3]. А по словам британского писателя Саймона Кэллоу, в книге описано чудо: ведь самое поразительное в жизни ее персонажей – то, что они выжили, но и это еще не все – главное в том, что они, пережив кошмар, стали свидетелями исторических пере-

мен и, в конце концов, теперь летом спокойно пьют чай в английском саду [1].

Мать писателя, Людмила, родилась 26 января 1934 г. [1, р. 43]. Ей было три года, когда ее отца, а вслед за ним – и мать посадили в тюрьму. Так она и ее старшая 12-летняя сестра Ленина «внезапно оказались одни в мире, страшном и непонятном», стали «изгоями» [2, р. 70]. Сотрудники НКВД привезли их в симферопольскую тюрьму для малолетних преступников, их хотели распределить по возрастным группам, но Ленина, упав на колени, умолила не разлучать их, и они попали в детский дом в Верхнеднепровске. Когда началась война, 16-летнюю Ленину с другими подростками отправили копать траншеи. В детдом она не вернулась и не знала, что случилось с ее семилетней сестрой. А Людмилу, когда линия фронта в начале октября 1941 г. приблизилась к Верхнеднепровску, вместе с другими детдомовцами перевезли на двух больших плотках на другой берег Днепра, и в Запорожье они влились в огромный поток беженцев, идущих на восток. Зимой 1942 г. Мила попала в детский дом в Соликамске (Пермский край). Там царили «волчьи законы: дети отчаянно дрались друг с другом за кусок хлеба, и она поняла тогда, что для физически слабого человека единственный способ выжить – сильный характер» [2, р. 88].

Ленина сумела добраться до Москвы и нашла там брата отца – Якова, генерал-лейтенанта авиации. Выполняя поручение друга дяди, еще одного генерала, привезти из детского дома в Соликамске его сына, Ленина неожиданно обнаружила там и свою сестру Милу «без передних зубов, с раздутым от голода животом» [2, р. 93]. Дядя Яков устроил Людмилу в детский приемник-распределитель в Даниловском монастыре для детей номенклатуры, где кормили вкусно и сытно продуктами из Америки, а потом она попала в детдом в Малаховке. Голод оставил в ее душе неизгладимый след и «память о нем преследовала ее всю жизнь» [2, р. 96].

По мнению О. Мэтьюза, девочки выжили благодаря природной гибкости детской психики и умению жить одним днем. Миле помогало отсутствие воспоминаний о прошлом, образы раннего детства были смутными: ей не с чем было сравнить свою жизнь, и «она воспринимала мир таким, каков он есть» [ibid]. В конце 1945 г., когда Миле должно было исполниться 11 лет, ее выписали из дет-

дома в Малаховке. Жить в однокомнатной квартире сестры, к тому времени вышедшей замуж, она не могла, и ее устроили в подмосковный детский дом в Салтыковке – под Москвой, – там «ей было хорошо» [2, р. 101]. В 1953 г. она с серебряной медалью окончила салтыковскую школу и поступила на исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова [2, р. 115], что после смерти Сталина стало возможно, несмотря на ярлык «дочь врага народа». Она жила в общежитии на Ленинских горах, много читала, увлекалась балетом. Среди ее однокашников были будущий российский политик и историк Юрий Афанасьев и паренек из Ставрополя с сильным южным акцентом – Михаил Горбачев [2, р. 116]. В 21 год она впервые в жизни получила маленькую комнатку – семь метров в коммуналке в Староконюшенном переулке близ Старого Арбата. Ее взяли на работу в Институт марксизма-ленинизма. Людмилу вырастило советское государство, и позднее она призналась сыну: «Я знала, что такое партия, Сталин, народ, но никогда не понимала значение слова “мама”» [2, р. 107]. Однако уже в университете ей и ее друзьям было свойственно ироническое отношение к советской жизни.

Когда Миле было 29 лет, «будто посланный Богом, возник высокий, стройный иностранец Мервин, мечтательный, застенчивый русофил с длинными тонкими пальцами, <...> удивительно порядочный и невинный, <...> безумно влюбленный в Россию» [2, р. 180]. Он придал смысл ее жизни, помог ей забыть сиротское детство и одиночество – стал ее «спасением». А он нашел в Миле то, что любил в России, – «огонь и страстность» [2, р. 180].

Мервин родился в 1932 г. в рабочей семье в Суонси, в Южном Уэльсе [2, р. 126]. Его отец был человеком жестоким и эгоистичным, часто унижавшим сына. Так что с Милой Мервина связывали еще и воспоминания о детстве без родительской любви [2, р. 126]. Когда он был подростком, у него возник интерес к русскому языку. Этот выбор, определивший всю его жизнь, он позднее объяснял сыну тем, что русский был «крайне экзотическим» – языком другого мира, совершенно чуждого жизни в Суонси [2, р. 130]. Хотя вполне возможно, что этому выбору способствовал и распространенный в Великобритании, особенно в рабочих, лейбористских, кругах миф об СССР как стране воплощенной утопии. В 1950 г. Мервин поступил на только что открывшийся русский

факультет Манчестерского университета, с отличием его окончил, и ему рекомендовали продолжить обучение в Оксфордском университете – в новом колледже Св. Екатерины, предназначенном «для обучения молодых людей из Южного Уэльса с блестящими способностями» [2, р. 133]. После двух лет учебы ему предложили должность младшего научного сотрудника в престижном оксфордском колледже Св. Антония, где преподавали лучшие британские специалисты по СССР. Летом 1957 г. Мервину удалось поехать в Москву (что в предыдущие 20 лет было немислимо – для всех, кроме дипломатов и немногих журналистов) на Всемирный фестиваль молодежи и студентов [2, р. 133], ставший «опьяняющим погружением в мир», который прежде он изучал лишь по учебникам. Там Мервин испытал такой подъем, что почти не спал, хотя ему и не понравилось коллективное исполнение песен и размахивание флагами на стадионах, «заполненных веселыми комсомольцами» [2, р. 134]. В 1958 г. Мервину удалось получить работу в научном отделе Британского посольства в Москве. Как замечает О. Мэтьюз, поколение его «отца выросло на остром идеологическом разломе, расколовшем мир пополам» [2, р. 141]. Сотрудникам Британского посольства Москва казалась «сердцем тьмы»: каждый их шаг отслеживался сотрудниками КГБ в штатском, что придавало «остроту жизни» [2, р. 142]. К нему был «приставлен» Вадим Попов, сотрудник Министерства высшего и среднего образования, приглашавший Мервина в рестораны, а тот, не вполне сознавая, что «играет с огнем», с радостью «украдкой покидал дипломатический квартал и отправлялся в запретное, но неудержимо привлекательное путешествие по прокуренным, шумным цыганским ресторанам-поплавкам на Москва-реке со скверной кухней, ужасной музыкой и настоящими русскими» [2, р. 143]. Как-то раз, по просьбе оксфордского друга, Мервин сделал в Ленинке фотокопии ранних текстов Пастернака, подложил их в диппочту – незарегистрированные вложения обнаружили, он получил выговор, и вскоре стало понятно, что «надо уходить» [2, р. 152]. В лондонской «Таймс» как раз появилось объявление о программе обмена студентами между СССР и Британией. Сначала советский МИД отказал Мервину, но Вадим помог – и он оказался в МГУ. Вадима сменил «научный референт» Алексей, устроивший Мервину в апреле 1960 г. поездку в Сибирь и на Байкал [2, р. 160], где произошла

первая попытка «вербовки» его в агенты КГБ, однако он наотрез отказался, заявив, что не может предать родину [2, р. 164], быстро собрался и уехал в Оксфорд.

Через три года, в конце лета 1963 г., ему удалось поехать в Москву по очередному обмену студентами с МГУ. Он наивно решил, что «старое забыто» [2, р. 176], и вскоре записал в дневнике, что 28 октября 1963 г. познакомился с девушкой, «совершенно очаровательной и интеллигентной, с очень сильным характером» [2, р. 177]. Это была Мила. Вечером 27 марта 1964 г., ужиная в ее комнатухе в Староконюшенном, Мервин сделал ей предложение [2, р. 185]. На следующий день во Дворце бракосочетаний на улице Грибоедова, где регистрировались браки с иностранцами, им назначили дату – 9 июня. Но в мае КГБ подстроил Мервину ловушку: он попросил приятеля продать костюм в комиссионку, где принимали вещи только по советскому паспорту. Когда он пришел к приятелю, его забрали в милицию и обвинили в спекуляции. Последовали встречи с Алексеем и его начальником: ему вновь предложили «сотрудничать», и он снова отказался [2, р. 189]. А вскоре получил извещение: бракосочетание аннулируется, поскольку против него возбуждено уголовное дело (что не соответствовало действительности) [2, р. 189]. Мервин бросился к лидеру британских лейбористов Гарольду Вильсону, который как раз был в то время в Москве (остановился в «Национале»), и попросил его поговорить с Хрущевым – тот вежливо, но твердо отказал [2, р. 190]. А вскоре Отдел виз и регистраций (ОВИР) потребовал, чтобы Мервин покинул страну, поскольку у него была просрочена виза, и 21 июня 1964 г. Мервин и Мила горестно расстались во Внуково [2, р. 192].

Вернувшись в Лондон, Мервин начал действовать: он поехал в Швецию – в Гётеборг, чтобы встретиться с Хрущевым, но тот уже уехал в Стокгольм, где пробыть к советскому лидеру Мервину не удалось. Британские газеты много писали о деле Мервина и Милы [2, р. 199–200]. Мервину советовали быть реалистом и оставить Милу, но, как комментирует О. Мэтьюз: «Мервин не мог быть реалистом, это противоречило его характеру. К тому же, подозреваю, в России он успел заразиться русским иррационализмом и максимализмом, а также <...> истинным парением духа в ситуации, когда с реальностью невозможно смириться – в понимании русских быть реалистичными подразумевало капитуляцию» [2,

р. 200]. Мервин не раз обращался в британский Форин-офис лично или через членов парламента, требовал разрешения своей проблемы, вызывая недовольство чиновников назойливостью, тем более благоприятный результат, на их взгляд, был невозможен [2, р. 216]. С карьерой в Оксфорде было покончено, и осенью 1965 г. ему пришлось стать преподавателем Ноттингемского университета, который, по его словам, в рейтинге британских университетов «находился почти на самом дне» [2, р. 222]. Два раза Мервину удалось приехать в СССР из Финляндии и Чехословакии по краткосрочным визам, слегка варьируя свою фамилию. Во второй раз его поймали и выслали. Но он не успокаивался, продолжая надеяться на позитивное решение своей проблемы в общем контексте борьбы, развернувшейся между советскими и британскими спецслужбами во второй половине 1960-х годов: 26 апреля 1965 г. КГБ арестовал Джералда Брука, молодого преподавателя (знакомого Мервина по МГУ), который привез в Москву антисоветские листовки; его арестовали на московской квартире агента эмигрантской политической организации НТС (Народно-трудовой союз), судили и приговорили к пяти годам лишения свободы [2, р. 215]. Брука использовали как «разменную монету»: его хотели обменять на супругов Питера и Хелен Крогер (Коэн), американских коммунистов и советских шпионов, осужденных в Великобритании на 20 лет тюрьмы за шпионаж. Расчет Мервина оказался верным: в июле 1969 г. его вызвали в Форин-офис и сообщили, что, как только Крогеры окажутся на свободе, он может получить визу в СССР [2, р. 251–252]. Через несколько дней в Англию вернулся Брук. 30 октября 1969 г. Мервин и Мила поженились во дворце бракосочетаний на ул. Грибоедова.

Что касается Людмилы, то после высылки Мервина в 1964 г. она подверглась публичному осуждению – прежде всего со стороны партийных органов, за связь с представителем «капиталистического мира», – тем более что она работала в престижном и идеологизированном Институте марксизма-ленинизма. Но директор института сочувствовал ей и устроил перевод в Фундаментальную библиотеку общественных наук (ФБОН), известную своей либеральной атмосферой: ее новые коллеги оказались людьми молодыми, независимыми, позволявшими себе спорить о том, «рухнет ли советская власть еще при их жизни» [2, р. 210–211].

В лондонском доме родителей писателя – Олдерни-стрит, 7 (Пимлико) – в мансарде хранится сундук с сотнями писем его родителей. Почти шесть лет они переписывались ежедневно, порой дважды в день. В их письмах О. Мэтьюз отмечает различие типов их характеров, обусловленное различием взрастивших их культур. Мила писала неистово и страстно, Мервин – сдержанно и корректно: в полном соответствии с полученным воспитанием он «подыскивал слова для выражения высоких и пылких чувств, втискивая их в узкие рамки вежливости» [2, р. 202]. О. Мэтьюз считает, что огромное влияние на характер Милы оказала ее убежденность в том, что человек может преодолеть любые препятствия, даже кажущиеся непреодолимыми, – советское воспитание внушало ей это с детства, и парадокс заключался в том, что с этой убежденностью она восстала против воспитавшей ее советской системы [2, р. 9].

В Лондоне Мила впервые в жизни впала в депрессию. В письмах сестре она жаловалась на тоску по родине. После стольких лет ожидания и жертв, принесенных на алтарь любви, обычная повседневная жизнь вызывала разочарование. Сыграв свои роли в великой драме и выиграв «сражение», они обнаружили, что «труднее всего стать просто людьми» [2, р. 274]. Мила делала переводы и преподавала в Сассекском университете. Как замечает О. Мэтьюз, в отсутствие «необходимости сражаться за личное счастье мама обратила всю энергию на мужа и детей и <...> зачастую я с трудом выносил бурный натиск ее слишком страстной любви и заботы. Для моей мамы, этой эмоциональной динамо-машины, в доме на Пимлико было тесновато» [2, р. 279], ей были присущи «необыкновенная целеустремленность и бескомпромиссность, и она всегда стремилась изменить жизнь к лучшему» [2, р. 98].

Следующий сюжетно-тематический пласт книги – история отца Людмилы и деда Оуэна – коммуниста Бориса Бибикова, который жил в «героическую эпоху, рождавшую стремление к подвигу» [2, р. 20] и открывавшую «величественные перспективы» строительства нового общества. Вероятно, многое рассказала о нем Оуэну бабушка – Марфа, которая с психической травмой вернулась из лагеря. Известно, что в 1922 г. Борис поступил в Высшую партийную школу в Симферополе, где готовили комиссаров

«для управления великой империей» [2, р. 21]. Далее Бибилов был среди организаторов строительства Харьковского тракторного завода в 1930–1931 гг. Очевидна двойственность понимания О. Мэтьюзом происходивших тогда в СССР процессов; по его словам, «трудно поверить, что чудеса индустриализации создавались лишь под страхом наказания. <...> думаю, в сердцах людей, участвовавших в этом грандиозном строительстве, действительно расцветала искренняя и торжествующая гордость за их свершения – пусть даже на краткий миг» [2, р. 31], но тут же он замечает, что «даже ослепленные идеологией люди видели: рабоче-крестьянское государство не способно накормить свое население. <...> продолжающееся построение социалистического общества держится лишь на возрастающем насилии» [2, р. 40]. Писатель полагает, что Бибилов, несмотря на «бесконечную веру в мудрость партии», сознавал зимой 1931–1932 гг., что голод опустошил страну» [2, р. 41], а в 1934 г., будучи делегатом XVII съезда партии (26 января – 10 февр.), как многие тогда, понимал, что пятилетний план выполнен лишь ценой невероятных усилий. Он и его единомышленники, ободренные кажущейся атмосферой открытости на съезде, поддержали Кирова, предложившего смягчить жесткие методы коллективизации. Но смены партийной линии после съезда не произошло: Киров отказался бросить вызов Сталину, хотя тот еще не был неоспоримым вождем партии, однако «уже тогда был параноиком» [2, р. 44] и расценил предложение Кирова на съезде как оскорбление и вызов себе, не забыл, кто и как голосовал на съезде, и в 1937–1939 гг. были репрессированы 1108 (из 1966) делегатов XVII съезда, среди них и Бибилов, первый секретарь Черниговского обкома партии.

Его арестовали в июле 1937 г. как «троцкиста» и антисоветчика, вину он не признавал, но через 19 дней после ареста «сломался» и подписал признание [2, р. 50], и в том же году погиб. О. Мэтьюз идет по стопам А. Кёстлера, автора романа «Слепящая тьма» (1940), рассматривая Бибилова как приверженца «новых нравственных принципов, которые потребовали принести в жертву его жизнь <...> ради блага страны» [2, р. 55] – таким был и герой Кёстлера – старый большевик Рубашов. О. Мэтьюз признает, что его дед «не был невинным гражданином, внезапно оказавшимся во власти злой и враждебной силы» [2, р. 56], он был виновнее

остальных, ибо принадлежал к руководящим кругам партии, отдававшим приказы и составлявшим «списки», тогда как следователи исполняли эти приказы. По сути, О. Мэтьюз констатирует качественное изменение психологии советского человека в лице своего деда: «человек становится расходным материалом в системе холодного политического расчета» [2, р. 56], к людям относятся так же, как к «тоннам стали или грузовикам с кирпичом» [ibid.]. Несомненно, это отношение разделял и Бибиков: жил с этими принципами и умер, следуя им.

Третий сюжетно-тематический слой книги – история самого Оуэна Мэтьюза и изменяющаяся с возрастом призма его восприятия России. Но одно оставалось неизменным – его всегда что-то раздражало в этой стране. В 1970-х годах, когда он учился в Лондоне в престижной Вестминстерской школе, его одноклассники в духе холодной войны видели в русских «красных», «коммунистов», т.е. врагов. Ему было семь лет, когда его обозвали «красным», и он прибежал домой с огромным фингалом под глазом. После этого он почти три года отказывался говорить дома порусски. Зимой 1978 г. Людмила приехала вместе с ним к сестре в Москву, где все, на взгляд Оуэна, «было не похоже на Англию: очереди в магазинах, огромные сугробы снега, станции метро, напоминающие дворцы», «особый русский дух», о котором он читал у Пушкина: «мощный запах тела, не то, что бы неприятный, но его плотская чувственность ощущалась как нечто нескромное и не вполне приличное» [2, р. 276]. В середине 1980-х годов, когда ему было 16 лет, он приехал в Москву уже с отцом. Тогда его раздражала теснота двухкомнатной квартиры Ленины, где невозможно было уединиться, как и советы русских пожилых женщин, поучавших молодых. Радушие русских казалось ему чрезмерным, он терялся от их экспансивности. Преклонение московских сверстников перед всем западным казалось ему неприличным, тем более что сам он терпеть не мог поп-музыку и диско, которые те воспринимали как верх совершенства [2, р. 137].

Летом 1990 г., после окончания школы, Оуэн приехал в Москву уже самостоятельно. Бывший студент матери помог ему устроиться на лето переводчиком в британское посольство, где он разбирал груды заявлений на выдачу визы и «впервые в жизни почувствовал себя крутым парнем, беззаботно просаживающим кучу

денег и отличающимся от обычных людей» [2, р. 138]. Все в Москве тогда казалось ему запущенным и убогим: одежда, обувь, автомобили, электротовары, автобусы, хотя появилась надежда – друзья взяли его на лекцию Юрия Афанасьева, который два часа рассказывал огромной аудитории о сталинизме. В людях чувствовалась неутолимая жажда правды и убежденность в том, что эта правда сделает их свободными» [2, р. 139]. Это произвело на Оуэна сильное впечатление. Он находил «своих новых советских друзей сентиментальными и наивными, но <...> их решение – “жить не по лжи” (по выражению Солженицына) было серьезным и твердым» [ibid.]. Летом 1991 г. Оуэн в Петербурге в дни путча – 20 августа наблюдал с балкона Зимнего дворца заполненную людьми Дворцовую площадь, а на следующий день – Невский проспект: полмиллиона человек вышли протестовать против режима, на протяжении трех поколений контролировавшего их. Демонстранты несли плакаты, на которых в разных сочетаниях повторялись слова «Свобода» и «Демократия» [2, р. 280]. Правда, тут же замечает Оуэн, в последующие годы большинство участников тех августовских демонстраций горько разочаровались в плодах демократии, хотя «крушение советской системы навсегда осталось настоящим чудом» [2, р. 281].

Весной 1995 г. ему предложили работу в газете *Moscow Times*, и он «через бесконечно мрачный полуосвещенный аэропорт “Шереметьево” снова вошел в зазеркалье России», а по дороге в город ощутил, что даже в центре Москвы – в ее «огромных, продуваемых ветром пространствах было нечто, напоминающее степь» [2, р. 140]. Россия, по его словам, «была заражена вирусом хаоса XX века. Она долго проходила инкубационный период, но вдруг, практически без предупреждения, все прогнившее здание коммунистической идеологии рухнуло под тяжестью собственного лицемерия и в результате сбоя системы. Для русских потрясение краха партийной власти, руководившей их физической, духовной и интеллектуальной деятельностью, оказалось сильнее, чем от любой катастрофы, даже от “чисток” или Второй мировой войны. Ибо тогда при всех ужасах происходившее по крайней мере можно было как-то объяснить. Теперь же на россиян обрушилось нечто совершенно необъяснимое – не враждебная сила, а пустота. <...> Придя в себя, будто выжив после землетрясения, люди находили

себе разные точки опоры: в деньгах, в сексе, наркотиках, националистических фантазиях, в мистицизме, в соблазнах религиозных сект. Кто-то заново открыл для себя старую русскую веру в православного Бога. <...> А новые хозяева страны <...> ринулись присваивать себе национальные богатства» [2, р. 135]. Но бóльшая часть русских, «по крайней мере внешне, по-прежнему продолжала жить, рассчитывая на свое таинственное “авось”. <...> Объединенные силы фатализма и апатии привели в России к тому, что страна реагировала на перемены лишь чуть-чуть более заметно, чем коллективное безнадежное пожатие плечами, и приступила к решению трудной задачи выживания» [2, р. 135–136]. Распространился «абсолютный нигилизм. Не стало законов и барьеров, циничные установки позволяли хватать и грабить, кто сколько сможет. Пепла было много, но феникс из него не возродился. Большая часть народа ушла в себя и, игнорируя сейсмическое сотрясение своего мира, продолжала вести привычный образ жизни» [ibid.]. Некоторые русские интеллектуалы говорили о революции в сознании. Но это определение, на взгляд О. Мэтьюза, даже отдаленно не передает состояние народа: никакой революции в его сознании не произошло, лишь малая его часть обладала способностями и воображением, чтобы начать «новую жизнь, требующую решительности и риска. Остальных это привело к внезапному снижению уровня жизни и медленному погружению в растерянность и нищету» [ibid.]. Москва середины 1990-х годов показалась О. Мэтьюзу «вульгарной, продажной и жестокой, словно сошедшей с ума, непристойной, буйной, одержимой идеей наживы» [2, р. 146–147]. Как и большинство британских литераторов, он воспринимал происходящее сквозь призму русской классической литературы: «Лучше всех жалкое безумие русских уловил Гоголь: неискоренимое разгильдяйство, кошмарное нагромождение недоразумений, сумасшедшие интриги маленьких людей, их мелкая суета, тщеславие, свинское пьянство, слюнявая лесть, вороватость» [2, р. 146]. Вместе с тем писатель отмечает, что Москва стремительно принимала современный облик, который менялся, казалось, за одну ночь, – притом каждую ночь» [2, р. 170]. По сравнению с Москвой Лондон стал казаться ему «старомодным и консервативным» [2, р. 171].

На восприятие О. Мэтьюзом России оказал воздействие его длившийся около полугода роман с яркой, оригинальной девушкой из среды московской золотой молодежи – Яной (из состоятельной семьи советского дипломата) [2, р. 172]. Он называет ее «изящным экзотическим существом», изменившим его, сделавшим «лучше и смелее». Но роман закончился: она потеряла интерес к Оуэну, ибо он был слишком скован «здравым смыслом» и не смог в полной мере откликнуться на ее «зов к неординарной, эксцентричной жизни» [2, р. 174–175]. Позднее осенью 1996 г. ее нашли убитой в одном из спальных районов столицы. По мнению писателя, Яна погибла, потому что была слишком «светлой, чистой и жизнерадостной, тогда как вокруг все было пронизано обманом и смертью. Жестокая действительность швырнула ее с небес, как Икара, – вниз, на самое дно» [2, р. 176].

В итоге О. Мэтьюз пришел к выводу, что Россия, и прежде всего Москва, – это теперь «иная реальность. Внешний облик города был привычным – белые лица, европейские витрины магазинов, неоклассическая архитектура. Но европейский налет лишь усиливал ощущение чуждости. Искажение знакомого <...> вызывало тревогу. Москва производила сюрреалистическое впечатление, как какой-нибудь колониальный аванпост, начальник которого вздумал перенести туда мрачную имперскую архитектуру и европейскую моду» [ibid.]. Чтение Достоевского ощутимо влияло на суждения О. Мэтьюза: «...к семнадцати годам обычный русский человек успеет столкнуться с оскорблениями, коррупцией, несправедливостью и испытать чувство безнадежности в гораздо большей степени, чем англичане за всю жизнь. И все это он должен похоронить в душе и упрямо игнорировать, чтобы жить дальше и быть счастливым. Поэтому не стоит удивляться безоглядному размаху их разгула, и следует снисходительно относиться к их страстям – они соответствуют глубине их страдания» [2, р. 63–64].

Писатель создает свою «практическую философию» России: страна, по его словам, – это «архипелаг, состоящий из островков тепла и света, окруженных бескрайним морем незаселенных пространств и холода. Именно в просторах России таится ключ к пониманию русской души. Ее неуверенность и фатализм порождены условиями жизни в столь громадной стране, что на пересечение ее из одного конца в другой когда-то уходило полугодя; постоянное

смирение перед кнутом власти, происходившее от невозможности какой бы то ни было связи между отдаленными поселениями необъятной империи. <...> Телефонные кабели, спутниковое телевидение и самолеты Аэрофлота, связали, наконец, друг с другом отдаленные регионы России, но в каком-то смысле даже сегодня электронные средства связи только усиливают ощущение непреодолимого расстояния. Россия остается крупнейшей страной в мире; даже после распада Советского Союза, ее территория охватывает 11 часовых зон. Ничего удивительного, что большинство из тех, кого судьба обрекла родиться на этих громадных пространствах, вырастают с инстинктивным чувством незащитности перед лицом невероятных трудностей, которые определяли их дальнейшую жизнь и приучали уступать принуждению. “До Бога высоко, до царя далеко”, – говорится в старой русской поговорке, и не случайно один из основных постулатов Православной церкви – *смирение* перед ношей, возложенной на верующих Господом. Непрестанная борьба с суровым климатом отнимает у людей все силы, изматывает душу, рождает у них представление о себе как о жалкой песчинке во враждебном мире, выстоять в котором способны лишь немногие. Эта тема звучит в пьесе Чехова “Три сестры” – о трех молодых женщинах в провинциальном уголке России, чьи силы и надежды медленно, но необратимо тают, на почве извечной русской инертности» [2, р. 162].

О. Мэтьюз демонизирует Россию, воспринимает ее как страну, притягивавшую и поощрявшую людей, начисто лишенных совести и склонных к саморазрушению: здесь ничто не мешало разгулу страстей. Это странный безбожный мир, где представления о моральных ценностях отсутствовали, и у человека, обезумевшего от чудовищной свободы, проявлялись самые темные свойства природы. «Но за весь этот разгул и обогащение Москва взимала со своих новых хозяев тяжелую дань, отыгрываясь на психике»: они «быстро превращались в эгоистичных психопатов» [2, р. 221].

По мнению писателя, к лету 1998 г. созданная Борисом Ельциным «неуправляемая, но свободная Россия стала тонуть» [2, р. 260]. На церемонии захоронения останков царской семьи в Петербурге в соборе Петра и Павла Оуэн внимательно наблюдал за Ельциным и написал: «Хотя я всегда был восхищенным поклонником Ельцина, однако в тот момент он показался мне фигурой тра-

гической, человеком, запутавшимся в сети всепроникающей и всеобъемлющей коррупции и растерявшимся, как и его народ, перед мощным натиском бесчеловечного капитализма. Ясно проглядывала параллель между политическими ошибками последнего российского монарха, приведшими его к трагической гибели, и сейсмическими сотрясениями почвы под ногами у Ельцина» [2, р. 261].

Таким образом, очевидно амбивалентное отношение О. Мэтьюза к России: с детства она производила на него сильное впечатление, но неизменно казалась «чужой и странной» [2, р. 277]: некую чуждость и странность он ощущал даже в характере своей матери. Но вместе с тем он признается, что несмотря на то что он, как и его отец, уроженец Уэльса, вырос в Англии, он неизменно сохраняет в себе «что-то от России, подобно лихорадке, проникшей в кровь» [2, р. 5–6]. Симптоматично, что Оуэн «повторил отца» и женился на русской девушке – художнице Ксении Кравченко [1, р. 264].

Список литературы

1. Кэллоу С. Дети малого бога.
Callow S. Children of a lesser god // The Guardian. – 2008. – 26.07. – URL: <https://www.theguardian.com/books/2008/jul/26/ussr.memoir> (date of access: 1.04.2022).
2. Мэтьюз О. Дети Сталина. Три поколения любви и войны.
Matthews O. Stalin's children. Three generations of love and war. – London : Bloomsbury, 2008. – 308 p.
3. Харт К. Дети Сталина : три поколения любви и войны.
Hart Ch. Owen Matthews. Stalin's children : three generations of love and war, by Owen Matthews // The Times. – 2008. – 06.07. – URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/stalins-children-three-generations-of-love-and-war-by-owen-matthews-vt53w3jmbm0> (date of access: 1.04.2022).
4. Шиллингер Л. Лихорадка в крови.
Schillinger L. A fever in the blood // The New York Times. – 2008. – 21.11. – URL: <https://www.nytimes.com/2008/11/23/books/review/Schillinger-t.html> (date of access: 1.04.2022).